

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Лебедев

Забвение Валеры

Сборник рассказов

Александр Лебедев

Забвение Валеры.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54887461

SelfPub; 2023

Аннотация

Фантастические истории о любви в самых разных ее проявлениях. Оказывается, можно легально продавать любовь, делать это удаленно, используя маргинальное плечо. Можно полюбить зомби и ненавидеть все человечество. Любить двух жен, а затем, не задумываясь, убить лишнюю. Можно бояться свою вторую половинку, потому что она испепеляет взглядом, а можно заслужить любовь всех людей на земле, но при этом остаться без прав. Можно забыть, кто ты – мужчина или женщина. Можно получать наложниц по электронной почте и даже погибнуть под обрушившимися шоколадными плитками. Все это и многое другое – в этом сборнике. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Забвение Валеры	4
Окно Овертона	24
Макс 2	40
Из жизни антипрыгунов	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Лебедев

Забвение Валеры.

Сборник рассказов

Забвение Валеры

Удивительно, как похожи комнаты ожидания у адвоката и семейного психолога. И там и там есть удобные кожаные кресла, глянец, веером разбросанный по журнальным столикам, работающий телевизор и кофейный автомат, все, чтобы скрасить неловкое ожидание. Здесь никто не пытается завести знакомства, и это понятно. Раз люди пришли сюда, значит у них проблемы, а делиться ими будут за дверью, выложив кругленькую сумму человеку, который умеет выслушать, не перебивая.

Лера недавно была в такой же приемной у адвоката по разводам. Адвокат посоветовал обратиться к семейному психологу. Лера совет приняла. Нет, не потому, что она верила, будто их с Семеном брак можно спасти. Спасти уже ничего нельзя, но если она, Лера, выполнит все рекомендации адвоката, то в глазах мирового судьи будет выглядеть лучше. Она будет казаться женщиной хоть и оскорбленной,

но не растерявшей достоинства, до последнего защищавшей свой брак.

Разумеется, это блеф. После измены их семейная жизнь никогда не будет прежней. Где-то на подсознательном уровне Лера всегда будет помнить измену и, разумеется, никогда не станет доверять Семену, даже если простит. Но она не простила. Мысль, пробежавшая в сознании, окатила волной неприятной прохлады. Если бы она была одна, то выполнила бы расслабляющие дыхательные упражнения, помогающие унять гнев. Но здесь это будет выглядеть нелепо. К тому же Семен все увидит и поймет, а этого не хотелось.

Похолодевшие пальцы нащупали кулон в виде золотого ключика на длинной цепочке. Он заменял крестик на шее так давно, что Лера уже не помнила, когда это произошло. Было приятно поворачивать его, зажав бороздки. Боль в кончиках большого и указательного пальцев была приятной и отвлекала.

Их, наконец, пригласили в кабинет. Семен взял Леру под руку. Она не протестовала. К психологу они вошли как обычная семейная пара, и со стороны никто бы не подумал, что у них есть проблемы.

Доктор долго извинялся, рассказывая, что сеансы очень разные, и их невозможно уложить во временной график. Лера слушала невнимательно. Она боялась, что снова придется унижаться и рассказывать, возможно, в подробностях, то, что так хочется забыть. Ах, как было бы хорошо вообще не

знать этого!

Казалось, доктор уловил ее мысли и перешел к делу:

– Я хочу вас сразу предупредить, что не собираюсь ворошить вашу душевную рану. Вам не придется пересказывать то, что неприятно или вызывает душевные страдания. Вы здесь формально, по рекомендации бракоразводного адвоката, а я работаю не первый год и знаю, к чему приводят такие визиты.

– То есть мы свободны? – спросила Лера.

– Позвольте, я отниму всего десять минут вашего времени, – попросил доктор.

– Разумеется, – ответил Семен и опасно покосился на Леру.

– Вы разводитесь, и решение уже принято, – продолжил доктор, – я понимаю это так, что кто-то из вас принял это решение бесповоротно и окончательно.

– Да, – сказала Лера, – это я.

– Позвольте узнать, – спросил доктор, – а вы, Семен, разделяете это решение?

– Нет, – уверенно ответил Семен, – я категорически против.

– И это не связано с деньгами? – поинтересовался доктор.

Лера и Семен переглянулись и с улыбкой хором ответили:

– Нет.

– Очень хорошо, – довольно сказал Доктор. – Значит один

из вас готов продолжить семейные отношения в случае, если второй ему это позволит.

Доктор погрозил в воздухе пальчиком и, как можно мягче, сказал:

– Лера, подождите, не возражайте.

– Да, – сказал Семен хрипло, – я согласен искупить свою вину.

– И это правильно, – подтвердил доктор, – потому что разбить вазу легко, а вот склеить... Впрочем, это лишнее. Я хочу предложить вам радикальное решение. Но сразу скажу, что потребуется мужество. Мужество и решительность.

– Кастрация? – предположила Лера.

– Нет, – засмеялся доктор.

– Семен побледнел, но все же изобразил нечто похожее на улыбку.

– Я хочу предложить вам забыть о случившемся, – сказал доктор. – Сильный гипноз... Медикаментозный гипноз, если быть точным.

– А что это? – поинтересовалась Лера.

– Это вполне безопасный метод, позволяющий забыть определенные события. Стереть из памяти некие воспоминания, которые доставляют дискомфорт. Под слабыми наркотическими средствами проводится сеанс гипноза и – вуаля! Вы просыпаетесь новым человеком.

– Простите, – сказала Лера, – я забуду, а мой муж, все будет помнить.

– Да, – согласился, доктор, – ему придется страдать и нести свой крест до конца.

– Поясните, пожалуйста, – спросила Лера.

– Понимаете, – растянул доктор, – если я заблокирую ваши воспоминания у обоих, ваш партнер может изменить вам снова. Он же не будет помнить, какую боль причинил вам.

– Вы сказали «заблокирую»? – спросила Лера.

– Да, – кивнул доктор, – формально это так. Из воспоминаний невозможно ничего удалить или стереть. Вы же не забываете таблицу умножения, сколько бы времени не прошло. Но я могу заменить неприятные воспоминания другими. Как бы поменять файлы.

– А если я забуду свое имя или где живу, пин-код к карте?

– О, этого не произойдет, не волнуйтесь, – успокоил доктор. – Метод существует давно и надежно опробован.

– Почему же я впервые о нем слышу? – удивилась Лера.

– Это приватная процедура, – пояснил доктор. – Люди, прибегающие к ней, не хотят, чтобы кто-то из друзей и даже близких напомнил об этом.

– Но ведь этого не избежать? – спросила Лера.

– Отнюдь, – возразил доктор. Разве о вашей проблеме известно большому количеству людей?

– Нет, – согласилась Лера.

– Тогда проблем с этим не будет. Вы можете предупредить тех, кто, как говорится, в курсе, что не желаете в дальнейшем слышать об определенном инциденте, что вы постараетесь

етесь его забыть и не хотите, чтобы вам о нем напоминали. И, в подавляющем большинстве случаев, окружающие сами о нем забывают.

– Мне нужно подумать, – сказала Лера.

– Не только вам, – согласился доктор, – но и нам с Семеном. Ведь нам придется провести некую рекогносцировку, сменить курс, учесть ошибки, дабы избежать их в дальнейшем.

– Что вы имеете в виду?

– Лера, – мягко сказал доктор, – сейчас вы вините в случившемся Семена, и это оправдано. Но постарайтесь подумать и ответьте честно: почему Семен вам изменил?

– А вы считаете, что мужчине нужна причина? – вспыхнула Лера.

– Не только считаю, но и знаю. Знаю, потому что практикую не первый год, а так же я знаю, что эту причину знаете вы. И если вы ответите на этот вопрос, у нас все получится.

Доктор взглянул на висевшие на стенные часы и сказал:

– В десять минут я не уложился, извините, но чтобы вас не утомлять, разрешите подытожить?

Лера и Семен кивнули.

– Отправляйтесь домой, поговорите, посоветуйтесь, хорошенько все обдумайте. Только не по дороге, пожалуйста. И если вы придете к обоюдному согласию, мы с вами встретимся и без суеты назначим день, когда проведем сеанс. Согласны?

Лера и Семен вновь кивнули, но без энтузиазма. Доктор это заметил и, вставая, сказал:

– Поверьте, хуже не будет, а чтобы мои усилия не пропали зря, мне нужна причина и ваше осознание этой причины. Рад был вас увидеть.

– Почему увидеть? – подумала Лера. – Почему не познакомиться? Мысль промелькнула и утихла, потому что возникла другая, более весомая и практичная.

– Скажите, а какова стоимость этой процедуры?

Лере показалось, что доктор замялся. После секундного колебания он сказал:

– Для вас я приготовил особое предложение. Уверен, оно вам понравится.

– Что это значит? – не поняла Лера.

– Я хочу вам предложить особую скидку. Пятьдесят процентов.

Лера уже открыла рот, но внезапно поняла, что доктор по какой-то причине не скажет, не назовет сумму вслух. Она не могла сказать, почему это поняла, но поняла определенно:

– Хорошо.

– Хорошо, – согласился доктор, – вы можете записаться на очередной прием по телефону или на моем сайте.

Семен глупо кивнул и вывел Леру в холл так же под руку. В приемной со скучными лицами две пары недовольно разглядывали друг друга. Увидев Леру и Семена, одна из них с облегчением поднялась с кресел.

– Я не удовлетворяла тебя? – спросила Лера, как только Семен тронул автомобиль.

– Лееера... – растянул Семен.

– Что?

– Доктор же просил, не обсуждать это в дороге.

– А тебе что, тяжело ответить?

Семен долго молчал, затем сказал:

– Да, тяжело. Мне неприятно об этом говорить, но я знаю, что нам придется.

– И каков твой ответ? – Лера смотрела на сильные руки Семена, как легко и спокойно он управляет машиной, но его глаза бегали, как у пойманного за постыдным занятием школьника.

– Ты холодная, – сказал Семен. – Совсем. Мне хотелось тепла, поэтому я и нашел... Ну, ты знаешь. Понимаешь, Лер?

– Понимаю, – перебила его Лера. – Теперь все понятно.

– Нет, я хотел сказать...

– Что? Что ты хотел сказать? – Лерино лицо пылало. Казалось, через секунду и из глаз полетят искры.

– Я люблю тебя, – сказал Семен и остановил машину. – Все еще люблю.

Лера бросила ошарашенный взгляд на Семена. Его лицо больше не отражало никаких эмоций. Он был совершенно спокоен, как будто только что сказал: "Смотри, птицы полетели".

– Ты здесь останешься?

Лера осторожно ступила на тротуар:

– Да, здесь.

Семен привез ее к дому подруги, где Лера прожила уже неделю. Ей не хотелось возвращаться домой, где случилось это.

– Б-р-р. – даже подумать противно что.

– Я позвоню, – сказала она, не оборачиваясь.

Семен ничего не ответил, но по шуму отъезжающей машины Лера поняла, что ее услышали.

– Значит, я фригидная, – прошептала Лера, – час от часу не легче.

Она пересекла лужайку перед домом и позвонила в дверь. Несмотря на то, что у нее был свой ключ, лезть им в замочную скважину не хотелось.

На пороге возникла Мила – лучшая и единственная подруга Леры. Растрепанная, рыжая девушка без косметики. Несмотря на обеденный час, Мила была в халате, наброшенном поверх пижамы.

– А-а, это ты, – сказала Мила высоким грудным голосом. – Я вроде бы тебе ключи давала.

Лера потрясла ими в воздухе.

– Если не пользуешься, оставляй их дома, не ровен час, потеряешь.

Лера с удовольствием бросила связку в глубокую синюю тарелку, служившую ключницей.

– Как все прошло? – спросила Мила.

– Даже не знаю, – сказала Лера. – Если я это расскажу, придется тебя убить.

– Тогда не хочу этого знать, – деланно равнодушным тоном сказала Мила.

– Но мне действительно кое-что нужно.

– Что?

– Даже не знаю, как тебя об этом попросить, – Лера смущенно улыбнулась. – Мил, у тебя есть порнушка?

– О-о подруга, я смотрю тебе лучше, – одобрительно засмеялась Мила.

– Да нет, это не то, что ты думаешь.

– Ну конечно, а то я не знаю, зачем девочкам порно, – Мила озорно хлопнула Леру по попе.

– Правда, мне это необходимо, чтобы кое-что проверить.

– Ладно, только кабинет мне не запачкай. И кресло не сломай.

– Ты о чем?

– Я о том, – сказал Мила, – что в моем доме отродясь этого не водилось, но в интернете ты без труда найдешь все, что угодно. А компьютер у меня только в кабинете.

Мила работала ландшафтным дизайнером. Она была всей фирмой в одном лице. Всю работу Мила выполняла у себя дома. Нередко там появлялись новые клиенты. Увидев участок Милы, они понимали, что находятся в надежных руках. Все необходимое для работы находилось тут же. Кабинет Милы был завален старыми журналами, набросками и эс-

кизами. Посредине бардака возвышался огромный стол с таким же необъятным монитором. Компьютер оказался включен, просто заснул от длительного простоя. На экране было три активных окна с графическими программами, закрывая которые, Лера обнаружила, что файлы Милой не сохранены.

– Неряха во всем, – подумала Лера.

Она свернула окна и набрала в строке поиска: "Порно". Гугл услужливо исправил слово на "паранойя".

Лера хмыкнула:

– В чем-то ты прав, старичок.

Лера продолжила поиск с первым запросом. Гугл тактично пояснил:

Порнография – отображение сексуального поведения в литературе, изображениях, скульптурах, фильмах и др. с целью вызвать сексуальное возбуждение.

– Именно, – согласилась Лера.

Она стала пересматривать короткие ролики с переплетенными в невероятных позах телами. Сюжет, как правило, был один, концовка – ожидаема и предсказуема. Через двадцать минут Лера заметила, что думает совсем не об этом. Она смотрела на экран вроде бы с интересом, но не как зритель, а как режиссер или продюсер. Она думала, что не мешало бы актерам сделать хороший маникюр, сходить в солярий, уложить прическу и о многих других вещах, которые делали ролики банальными.

Лера поняла, насколько заиклена на деталях и не обра-

щает внимание на главное.

– А вдруг Семен прав? – испугалась Лера.

Она остановила видео и принялась вспоминать.

– Ну и что, что я чистюля? – подумала Лера. – Кому от этого плохо? Наверняка это лучше чем...

Она не смогла найти сравнение и, закусив губу, просидела без движения несколько минут.

– Причины, вызывающие холодность у женщин, – набрала Лера новый поисковый запрос.

Причин оказалось много: страх забеременеть, страх заражения, неуверенность в прочных отношениях, любые травмирующие ситуации и еще два десятка.

Почти час ушел на то, чтобы сократить этот список. И список сократился полностью. То есть не осталось ни одной причины, Лера исключила их все до одной.

Последней причиной, которую исключила Лера, была травма, вызванная насилием. Лера точно знала, что она не подвергалась насилию, во всяком случае, она этого не помнила.

Лера чуть не закричала, мысль, промелькнувшая в голове, была как холодный душ:

– Я не помню, но это не значит, будто этого не было! А вдруг я уже была под гипнозом и постаралась забыть? Я забыла свою травму, но, как сказал доктор, мозг ничего не забывает, он только блокирует воспоминания. Что, если это произошло со мной?

Лера набрала в строке поиска: «Люди, забывшие прошлое». Гугл не знал или делал вид, что не знает об этой проблеме.

Лера подумала, что с трудом вспоминает свое детство, родителей, школу, замужество. Нет, у нее нет провалов, но она видит прошлое затуманенным и далеким, путаясь в именах школьных подруг и названиях старых улиц.

– Это точно паранойя, – решила Лера. – Все люди забывают свое детство, во всяком случае... нормальные люди.

Лера принялась за поиски в Интернете, но теперь уже себя самой. Нашлась пара фотографий из Фейсбука, упоминания в блогах, но ничего особенного, ничего криминального. Лера расширяла запрос, подставляя к своему имени слова "Жертва", "Насилие", "Происшествия". Результат оставался прежним.

Почти успокоившись, Лера задумалась о другом. В поиске ей часто встречался электронный адрес, показавшийся знакомым. Ничего особенного, конечно, но вот логин: Лера1225, как будто хорошо знаком. Конечно, знаком, это ее имя и дата рождения, только она не помнила, чтобы у нее был такой почтовый ящик.

Сейчас проверим. Лера зашла на почтовый сервис ввела логин и набрала пароль. Пароль у нее был один на все случаи жизни.

Интерфейс почтового сервиса открыл окно на экране совершенно неожиданно. Лера с опаской, будто случайно за-

шла в чужую квартиру, нажала вкладку "Входящие". Там находилось около десятка рекламных писем ни о чем. Она заметила, что в папке "Черновики" есть одно письмо. Это значит, что владелец ящика написал, но по каким-то причинам не дописал или не отправил письмо, из содержания которого можно будет понять, чей это ящик. Впрочем, чей ящик сомнений не было, было непонятно, как его владелец умудрился о нем забыть.

Глубоко вздохнув, Лера открыла Черновик. Письмо содержало один вложенный видеофайл. Описания и адреса для отправки не было. Секунду поколебавшись, Лера щелкнула мышкой по файлу.

На экране возникла плохо освещенная Лера, с ужасной прической, красными глазами и мешками под ними.

– Я записываю это видео на случай, – сказала Лера на экране, – если что-то пойдет не так.

Сделав длинную театральную паузу, девушка с экрана продолжила:

– Я хочу все забыть. Забыть то, что со мной произошло, и завтра пойду на сеанс гипноза. Как утверждает доктор, это безопасно. Я забуду только то, что травмировало мою психику и мешает мне жить дальше. Я верю в это, но видео... Это моя страховка. Я размещу его на сайте, который рассылает письма в случае смерти абонента. Пока я не разобралась, как это работает, но основной принцип таков: если вы смотрите это видео, значит, меня нет в живых.

Голос Леры на экране стал мягче:

– Знайте. Я обратилась в клинику по стиранию воспоминаний после того, как меня изнасиловали и избili трое мужчин. Я сама виновна в случившемся и не выдвигала обвинений против них. Я была мертвецки пьяна. Я напивалась и провоцировала мужчин, пока это не произошло. Я вынуждена признать, что это так.

Произошедшее вызвало во мне изменения, и я очень боюсь, что это разрушит мою семью.

Слеза побежала по щеке Леры. Она хотела еще что-то добавить, но вместо этого оборвала запись.

Ошарашенная Лера смотрела на экран:

– Я алкоголичка?

Она не узнала свой голос, сухой и низкий.

– Но я этого совершенно не помню.

Фраза показалась глупой даже себе самой.

– Я это... Зачем? – шептала Лера.

На негнущихся ногах Лера спустилась на первый этаж, где в гостиной на диване, заваленном разноцветными подушками, лежала Мила. В руках у нее был пульт от телевизора, на лице скука. Увидев Леру, Мила приподнялась. Наверное, Лерины глаза сказали о многом. Мила напряглась, следя за подругой:

– Ты в порядке?

– Я кое-что узнала, – сказала Лера. – И пока не могу в это поверить.

– Откуда? – поинтересовалась Мила.

– Интернет, – тихо прошептала Лера.

– Будь он проклят.

Мила обняла подругу и похлопала ее по спине:

– Ну, ну, ну. Я была уверена, что это плохо кончится. Но ты меня не слушала.

– А ты все знала?! – ужаснулась Лера.

– Мы же подруги.

– И мне не сказала? – скривилась Лера.

– Мы договорились. Я должна была отдать письмо, только если тебя обманут, – сообщила Мила.

– Письмо? – переспросила Лера.

– Ну да.

Мила пересекла большую гостиную, извлекла из секретера шкатулку из красного дерева, ловко открыла ее маленьким ключом. Из шкатулки она достала не заклеенный конверт и протянула Лере:

– На, читай.

Лера осторожно развернула письмо. Оно было написано, а не напечатано, и Лера узнала свой узловатый почерк:

– Я хочу все забыть, – гласили первые строки. – Я, Лера Тырсина, хочу забыть о дурацкой ссоре со своими родителями, их обиде и нашей разлуке. Я не знаю, почему мы отдалились, но мои родители оставили меня. Нет, не оставили, они меня презирают. Это делает мою жизнь невыносимой. Завтра я пойду на сеанс гипноза и очень надеюсь, что забуду

ду. Я верю в это и пишу на случай, если что-то пойдет не так. Письмо я передам своей подруге, и она вернет мне его, только, если моей жизни будет угрожать опасность.

Лера попыталась сглотнуть, но поняла, что горло окончательно пересохло.

– В-воды, – хрипло попросила Лера.

Мила прошла на кухню и вернулась со стаканом.

– Лучше? – спросила Мила, когда Лера осушила стакан.

Та неопределенно кивнула:

– По меньшей мере, я знаю, как стала алкоголичкой.

Голос по-прежнему хрипел и не слушался. Лера встала.

– Мне нужно домой.

Мила попыталась остановить подругу, но Лера решительно посадила ее обратно на диван.

– Не надо, не провожай.

Мила так и осталась сидеть со стаканом в руке.

Лера вышла на улицу. Лицо приятно обдувал ветерок. Как нельзя кстати, мимо проехало такси, и Лера остановила машину легким движением руки. Она назвала адрес. Таксист недовольно сморщился. Ехать было недалеко, всего несколько сот метров, и водитель не скрывал раздражения.

– Как же мне наплевать на это, – подумала Лера.

Она откинулась на сидение и закрыла глаза.

– Хуже не будет, кажется, так сказал доктор. Надо было послушать его и не играть в детектива. Поистине, незнание – лучшее решение. А теперь я фригидная шлюха, алкоголич-

ка, которую возненавидели родители. Как же я докатилась до такой жизни?

– Приехали, – сказал водитель с сильным кавказским акцентом.

Только теперь Лера обратила на него внимание. Кавказец нагло разглядывал Леру.

– Чего уставился?

Лера хлопнула дверью и протянула в открытое окно купюру:

– Сдачи не надо.

Водитель не стал спорить и тронул автомобиль.

– Вот я и дома.

Лера прошла по тенистой веранде и открыла дверь. В доме было тихо. Кажется, Семена не было, и она с облегчением выдохнула.

– Дом, милый дом, – пронеслось в голове. – Как быстро он стал чужим!

Лера неспешно обошла комнаты и остановилась возле родительской спальни. Дверь, которая, как она помнила, уже давно не открывалась ею. Она положила руку на прохладную ручку и, нажав, потянула на себя. Комната была холодной. Чувствовалось, что в ней давно не было жильцов. В воздухе витал запах пыли и старости.

Лера провела пальцем по серванту.

– Нужно бы здесь убрать.

Ее внимание привлекла шкатулка из красного дерева.

Очень похожая на ту, что она видела у Милы.

Девушка осторожно подняла ее и покрутила в руках, внутри что-то перевернулось. Шкатулка была закрыта, замочная скважина крохотная, даже игрушечная. Лера потрясла ее снова, пытаясь определить, что же внутри. Было похоже, что там документы. Девушка уже собиралась поставить ее обратно, но вспомнила про кулон на шее в виде золотого ключика.

Ей даже не пришлось снимать его с шеи. Цепочка была длинной. Ключ легко отворил замок.

Лера с любопытством подняла крышку. На дне лежал конверт. На этот раз он был запечатан. В поле "Куда" вместо адреса было написано: "Вскрыть, если что-то пойдет не так". Надпись была сделана давно, чернила побледнели от времени.

Похолодевшими пальцами Лера оторвала узкую полоску бумаги. Она достала короткое письмо, где более круглым, но, без сомнения, ее почерком было написано:

"Я хочу все забыть! Мои родители не воспринимают меня таким, какой я есть. Они считают это недоразумением и глупостью. Я с этим не согласен и скоро перенесу ряд сложных операций, после чего обо всем забуду. Я верю, что все будет хорошо, а письмо написал на случай, если моей жизни будет угрожать опасность".

Внизу стояла подпись: "Валерий Тырсин".

Лера сложила письмо и убрала обратно. Она тихо вышла

из комнаты. С первого этажа донесся звук отпираемой входной двери.

– Лера, ты дома? – позвал Семен.

– Я здесь, – ответила она.

Семен вбежал по ступенькам и замер, увидев Леру возле родительской спальни.

– Что ты там делала?

– Да так, – махнула рукой девушка, – искала скелеты в шкафу.

Семен смотрел на Леру, боясь пошевелиться.

– Я вот что подумала, Семен. Мы с тобой давно знакомы, кажется, со школы, а может и еще раньше. Ведь у тебя на-верняка есть конвертик на случай, если что-то пойдет не так.

Тольятти 2018г.

Окно Овертона

Моя сестра неуправима. Я открыл глаза, но увидел только закрывающуюся за ней дверь. В носу стоял противный сухой вкус ватной палочки.

– Вот зараза! – выругался я сквозь улетевший сон.

Нужно было вставать и идти гулять с Джерри. Несмотря на выходной, потому что последний не умеет терпеть. Что поделаться!

Я обреченно сел на кровати и потер глаза. Ноги нащупали разбитые тапочки. Как же лень... Злость на сестру почти прошла: если бы она не совала мне в нос косметическую палочку, я наверняка валялся бы в кровати до обеда. Но мне нужны баллы по ответственности, и приходится гулять с домашним питомцем. Как говорится, такова жизнь.

Я спускаюсь на первый этаж, грожу кулаком спрятавшейся под стол сестре, сонно здороваюсь с родителями.

– Позавтракай, – говорит мать.

Но мне не хочется, вернее, хочется поскорее закончить с обязанностями.

Я беру поводок и подхожу к Джерри. Он мусолит кость беззубым ртом, при виде меня грозно рычит и пытается укусь.

– Хороший мальчик, – говорю я и ловко хватаю ошей-

ник. – Гулять, на улицу.

Джерри гулять не любит. Он, как и я, обожает поспать и все время валяется в прихожей. Приходится вытягивать его за поводок.

Оказавшись на улице, Джерри трусит к калитке, а почувствовав простор, устремляется в сторону центрального парка. Я всегда думаю, что же у него в голове? Неужели он что-то понимает? Во всяком случае, стороны света определяет безошибочно или чует их? Да, наверное, чует.

Пару раз Джерри оказался за фонарными столбами, и мне пришлось обойти их по клумбе. Никаких других неприятностей не произошло. Мы спокойно добрались до парка, и, ничего не подозревая, я отпустил питомца с поводка. Вообще-то я так делал всегда. У Джерри нет зубов, и я имел полное право выгуливать его без намордника. Конечно, беззубая семидесятикилограммовая особь и так могла нанести вред ребенку, но на территории парка, где кроме меня еще две сотни человек выгуливали своих подопечных, ребенок появиться не мог. Собственно, это была специализированная площадка для выгула, где такие, как Джерри, резвились, бегали и время от времени сцеплялись друг с другом.

Наверное, поэтому я не сразу обратил внимание на визг схватившихся в драке особей. Мне хотелось посмотреть, что одноклассники выложили за ночь в школьную конференцию, а когда я поднял глаза, в кончики пальцев кольнули холодные иглы.

Джерри буквально рвали на куски две более крупные особи, причем одна из них была без намордника. Зубы скотины сухо клацали в воздухе, бесполезный намордник болтался на уцелевшей ляжке. Мне показалось, что под воротник побжала холодная капля. Я не на шутку испугался, а когда пришел в себя, закричал что было сил:

– Помогите, на моего зомби напали!

Среди хозяев нашлись двое взрослых, вооруженных электрошокерами. Распинав ногами менее агрессивных питомцев, они приступили к усмирению зачинщиков. Как я уже сказал, драчунов было двое. Оба почему-то невзлюбили Джерри и пытались растерзать моего питомца. С одним справился подоспевший хозяин, а второй, тот, что потерял намордник, никак не хотел успокоиться.

Его так и лупили электрическими разрядами, пока не подоспел дисциплинарный наряд. Зомби стянули одноразовыми наручниками и водрузили на голову шапку-непрокусайку.

– Ваш питомец? – спросил старший наряда.

Я показал на Джерри, представлявшего из себя жалкий вид. Похоже, ему сломали запястье и почти отгрызли несколько пальцев. Джерри жалобно скулил и зализывал раны остатками языка. Зрелище было мерзким, но на бойцов это не произвело впечатления, потому что обратившийся ко мне сержант спросил:

– Без намордника чей?

Я пожал плечами.

– Приготовьте документы, – сказал боец, – страховку, прививки, паспорт. Будем оформлять «ЗП».

Черт, теперь скрыть происшествие от родителей никак не получится. Разумеется, и раньше это было невозможно. Что ответить отцу на вопрос: «Где Джерри оторвал свою руку»?

Но можно было что-то придумать, ведь зомби по сути своей бестолковые твари, вечно попадающие в неприятности. Однако теперь родители обязательно получают бланк «Зомби-происшествия», с их зарплаты вычтут по паре киловольт. И уж тогда мне влетит по полной.

Настроение испортилось окончательно. Я сел на лавку и стал с грустью наблюдать, как бойцы дисциплинарного наряда выясняют происхождение распоясавшегося зомби.

Вообще-то, «зомби» у нас не принято говорить. Правильно, или толерантно, их называют «гемолит-независимые граждане», но это так долго, что я обычно сокращаю, как и все мои сверстники.

Государство заботится о гемолит-независимых. Именно поэтому их раздают в семьи и стимулируют заботу. Там, где зомби ухожены, не повреждены и под присмотром, хозяев освобождают от уплаты налогов. Есть семьи, которые содержат по два и даже три питомца. Но принимать в семью много зомби запрещено после случаев, когда хозяев съедали их слетевшие с катушек питомцы.

Зомби нестабильны, это их главный минус, потому что

вот они спокойно играют с детьми, а через минуту смотрят на вас как на ужин.

Кормить зомби бесполезно, сытыми они не бывают. Единственное, на что они реагируют незамедлительно, это кровь. Запах крови делает зомби агрессивными, а вид превращает гемолиз-независимых просто в монстров. Тут берегись и спасайся, как, впрочем, и было раньше, когда зомби только появились.

Гемолиз-независимых обнаружили на нашей планете около ста лет назад. До сих пор их происхождение остается загадкой. Сначала зомби превратили нашу жизнь в ад, почти полностью истребили население. Затем чуть не исчезли сами, и совсем недавно стали полноценной частью экосистемы.

На поляне показался очень старый мужчина. Он был так стар и передвигался так неуклюже и медленно, что почти не выделялся среди разгуливавших особей. Единственное, что отличало его от зомби, это чистый парусиновый костюм. Слово «чистый» было определяющим потому, что сам костюм был так же стар, как и его

владелец. Наверное, изначально ткань не была белой, но многочисленные стирки сделали ее таковой.

Никто из моих соотечественников так не одевался. Поэтому я сразу догадался, что старик приехал издалека. А еще, оказалось, что это он – временный владелец распоясавшегося зомби и что последнего старик взял напрокат. Слава богам, в прокате зомби не отдадут без страховки. У стари-

ка оказалась даже расширенная КАСКО. А все потому, что такому доходяге не хотели выдавать боевую гемолиз-независимую особь. Вообще непонятно, зачем он ему понадобился. Пожилой мужчина не имел шансов справиться с зубастой тварью, и странно, что он не пострадал сам.

Старик долго выслушивал, как ему читали мораль бойцы дисциплинарного наряда, дважды перечитал бланк «Зомби-происшествия», и его фигура становилась все более скрюченной и жалкой. Он доковылял к скамейке, на которой сидел я, и, опустившись, тяжело вздохнул.

У меня даже возникла мысль пожалеть его, так он был несчастен. Но, вспомнив про Джерри и ответственность, я решительно передумал. Старик заговорил сам.

– Хотел погулять с монстром, – посетовал он. – У нас-то их нет.

Старик был из Карантина, страны, где всех зомби уничтожили много лет назад. Границы этого государства плотно закрывал горный хребет. Собственно, почему и возникло такое название. Жители Карантина могли не заботиться о том, что зомби попадут на их территорию извне. С особями внутри они расправились очень решительно и жестоко, перемалывая их в муку. Говорят, для этого использовались целые заводы, наподобие хлебомольных, куда зомби свозили железнодорожными составами и грузовиками. Там их замораживали жидким азотом и пускали под пресс, а образовавшейся мукой удобряли поля. Возможно, это враки, но гово-

рят, будто зомби – хорошее удобрение и, судя по всему, совершенно безопасное.

– Мне это было необходимо, – сказал старик.

Хотя я не делал попыток поддержать разговор, он продолжил:

– Это вы живете среди монстров, каждый день видите их, касаетесь, кормите. А для меня это жуткое зрелище, что-то запредельное. И не смейте меня осуждать за то, что я собирался выложить все в «Одноклассниках». Хвастаться мне не перед кем. Вы ведь догадались, кто я?

Старик по-шпионски подмигнул и протянул высохшую ладонь.

Я молча пожал его руку и равнодушно ответил:

– Нет.

– Глифорд Диклетин, собственной персоной.

Имя мне ничего не говорило, да я бы и не запомнил дурацкое восточное имя – длинное, неудобное, да еще и состоящее из двух слов.

– Доз, – представился я.

Старик улыбнулся.

– Смешные у вас имена. Никак не привыкну. А самое главное, в толк не возьму, как вы не путаетесь? Ведь наверняка в вашем городе пара тысяч таких же парней с именем Доз.

– Они в других местах, – сказал я.

– А ты, значит, здесь, – покачал головой старик.

– Здесь, – согласился я. – И тут нет ничего странного. Наши имена становятся короче с возрастом. Чем выше уникальность гражданина, тем короче его имя. Например, нашего президента зовут господин «К», но никто его не путает. Трудно себе представить ситуацию, чтобы я обратился к кому-то и назвал его господин «К», но это не относилось к президенту.

– Да, – согласился старик. – Все-то у вас логично, но, как говорится, – без души. Вот я слышал, что вашим родителям доплачивают, если их дети хорошо учатся. Так ведь это?

Я согласно кивнул.

– Не совсем верно, потому что, если будут доплачивать, никто не станет работать. А вот налоговые вычеты за хорошую учебу – да, положены. За помощь друзьям, родителям, заботу о питомцах.

Я поискал глазами Джерри и подумал, что за дисциплину в этом месяце вычетов, скорее всего, не будет.

– Вот, – сказал старик. – Это значит, что ты за деньги помогаешь родителям. Не бескорыстно и не из-за любви. А у нас, сынок, любовь – это святое. Знаешь ли ты, что в Карантине платят не за рождение ребенка, а за сам факт любви отца к матери?

– И что, государству не важно, как ребенка воспитают?

Старик сделал решительный жест рукой:

– У нас свободная страна, что бы там ни говорили. Государство не лезет в частную жизнь, либертарианство в чистом

виде и никаких ювенальных штучек.

Мне захотелось поспорить, но возражать старику было невежливо, и я промолчал.

– Вот я смотрю, ты очень молод, – продолжил старик, – и наверняка не знаешь, что было, когда пришли ходячие.

– Мы проходили по истории, – возразил я.

Старик захихикал, словно заскрипела несмазанная дверь.

– По истории, говоришь? Историю пишут люди. И иногда переписывают, в зависимости от своих потребностей. Что ваши историки написали про Карантин?

Я пожал плечами и выдал, словно «Википедия»:

– Карантин это территория, закрытая со всех сторон естественными физическими преградами. Сохранившая феодальный уклад, традиции и государственное устройство древнего мира.

– Надо же! – удивился старик. – Почти верно. Традиции у нас чтут, а вот насчет феодализма – это вы зря. Нет его давно, уже лет пятьдесят как демократия. И причем гораздо более развитая, нежели у вас.

– У вас до сих пор есть полиция, – заметил я.

– Ну и что? – не смутившись, ответил старик. – А вы уже сто лет выбираете одного и того же президента.

– Да. А вы вообще не выбираете. Да у вас и должности такой нет.

Старика моя реплика обидела, было видно, как он нахмурился.

– Это верно, сынок, – сказал он, понизив голос до шепота, – но у нас хотя бы есть национальный лидер, и заметьте – живой.

Я уже собирался позвать Джерри и отправиться домой, но последняя фраза меня огорошила.

Что себе позволяет этот старикашка? Выходец из тоталитарного Карантина, приехал, повредил моего зомби – и еще делает оскорбительные намеки.

– Это же смешно, – сказал я вслух, неожиданно для себя.

– Смешно, – согласился мужчина, – не будь это так грустно. Хотите, я расскажу вам, почему вы на самом деле переизбираете господина «К»? Но только при одном условии. Если выслушаете рассказ полностью и не станете меня перебивать.

Это было уже сверхнаглостью. Я согласился, только чтобы поймать старика на глупости, а затем жестоко высмеять.

– Знаешь, сколько мне лет? – наконец начал он, явно издалека.

– Это имеет отношение к выборам господина «К»?

Старик отрицательно покачал головой:

– Напрямую нет, но этого в двух словах не расскажешь. Видите ли, молодой человек, я, пожалуй, единственный пенсионер в Карантине. Будучи уже в преклонном возрасте, я пережил первое повышение пенсионного возраста, затем второе и третье. Возраст повышали каждые десять лет, как только я достигал границы. И, наконец, мне удалось побе-

дить в этой гонке. Я стал самым старым человеком в Карантине и одновременно самым молодым пенсионером, что сделало меня знаменитым. Собственно, поэтому я и спросил – не слышали ли вы обо мне?

Я прожил очень тяжелую, долгую жизнь и политической карьеры господина «К» тоже стал свидетелем. Да, я наблюдал за ней из Карантина, однако не нужно думать, что все мы там из ума выжили и не можем отличить белое от горячего.

Знаете ли вы, молодой человек, что такое пропаганда?

Это когда вам говорят неправду о вас самих и вы узнаете из сети, как хорошо и счастливо вы живете. Но бесконечно говорить об этом невозможно, потому что рано или поздно вы поймете, что медиа вам лгут. Поэтому вам рассказывают не только о том, как хорошо вам, но и то, как плохо вашим соседям, постоянно живущим в страхе быть съеденными ходячими мертвецами.

Понимаете, к чему я клоню?

– Нет, – ответил я решительно.

– Ну как же, – продолжил старик, – это значит, что все рассказы про вас – чистая правда. Все, что плохого смогли нарыть пропагандисты Карантина.

И про вашу любовь к ходячим, и про корыстные отношения в семьях, и, разумеется, страшную тайну о господине «К».

Согласитесь, ведь вы, молодой человек, никогда не видели господина «К» лично?

– Нет, – согласился, я. – Но разве это что-то значит?

Старик сделал вид, что не заметил моего вопроса, и продолжил:

– А видели вы его преимущественно в сети. И лишь знаете людей, которые видели людей, которые, в свою очередь, видели его лично. То есть, вы даже не знаете тех, кто здоровался с господином «К».

Хорошо.

А как, по-вашему, выглядит господин «К»? Это мужчина с большим лбом и залысинами, в темно-синем костюме и неизменном красном галстуке.

– Я понимаю, что вы меня оскорбить пытаетесь, – сказал я, – но все равно в толк не возьму, куда клоните.

Старик многозначительно смерил меня взглядом:

– Я, молодой человек, не претендую на истину и расскажу вам то, что для меня самого стало открытием, а верить в это или нет – решать вам.

Как утверждают в Карантине, у вашей страны уже давно нет руководства. А господин «К» благополучно почил. Произошло это событие в результате несчастного

случая или это были чьи-то сознательные действия, история умалчивает. Однако ваш господин «К» превратился в зомби, или, как принято говорить, стал гемолиз-независимым и по понятным причинам руководить страной перестал. Чтобы общество было готово принять его в этом обликии, окружение президента запустило Окно Овертона...

– Это такая технология, – вновь закрипел старик, – которая позволяет принять то, что вам не очень нравится. Или совершенно не нравится, но принять нужно, как, например, жителя с другим цветом кожи, или иной сексуальной ориентацией, или другой системой кровообращения. Технология универсальная и работает везде.

На первом шаге все начинают ругать это явление, говорить о нем не переставая до тех пор, пока это не вызовет всеобщую усталость.

Тогда придумывают новое толерантное название, например не говорят «зомби», а «гемолиз-независимый гражданин». После чего находят в этом обновленном явлении нечто интересное. Например, выясняется, что воскреснуть мессия мог только благодаря «гемолиз-независимости» и что по большому счету не так уж плохо и совсем не страшно. Еще через какое-то время это явление начинают защищать, затем нападать на тех, кто с этим не согласен. И, наконец, объявляют гемолиз-независимых нормой.

Когда зомби окончательно уравниются в правах с обычными людьми, их объявят приоритетом. Будет уже недостаточно жить как все. Хочешь карьерный рост, красивую жену и льготные кредиты – становись гемолиз-независимым.

Старик замолчал, ожидая моей реакции, а я уже приготовился рассмеяться прямо ему в лицо. Но почему-то не смог этого сделать. Действительно, рассказ был бредовый, однако не смешной.

– Вы сами-то в это верите? – спросил я.

Старик утвердительно покачал головой.

– А я нет.

Я решительно поднялся и, взяв Джерри на поводок, направился в сторону дома. Уже на выходе из парка я обернулся и увидел сторбленную фигуру старика. Он сидел на скамейке и меланхолично разглядывал носки своих ботинок. Недалеко топталась взятая напрокат особь, все еще в шапке-непрокусайке и одноразовых наручниках.

«Все-таки правду говорят о Карантине, – пронеслось в моей голове. – Живут там настоящие придурки».

Я сосредоточился на предстоящем разговоре с отцом и очень скоро забыл старика и его страшную историю.

На подходе к дому у меня созрел целый план, но, переступив через порог, мне не удалось взять инициативу в свои руки. Мать встретила фразой:

– Доз, пройди на кухню, есть серьезный разговор.

Из меня словно воздух выпустили. Было очевидно, что сейчас прочтут лекцию, и я обреченно поплелся на кухню.

Вопреки ожиданиям, мама не была расстроенной, а отец, напротив, выглядел виноватым. Он не проронил ни слова, пока мама не начала говорить:

– Доз, ты уже взрослый парень и понимаешь, что значит быть ответственным.

– Мам, я тут ни при чем, – попытался возразить я, но меня грубо прервали.

– Помолчи, сынок, дай я все расскажу.

Мама перевела дыхание, будто сильно волновалась, и продолжила:

– Твоя сестра встречается с гемолиз-независимым мальчиком. Мы с отцом надеемся, что ты отнесешься к этому с пониманием.

Наверное, я выглядел глупо, потому что отец вмешался в разговор:

– Мне тоже это не нравится, но Заре всего девять, и ее дружба по большому счету ничего не значит. Просто мы хотим, чтобы ты вел себя сдержанно.

– Хорошо, – сказал я после паузы, – я могу идти?

– Да, конечно, – согласилась мама.

Я поднялся из-за стола и направился в свою комнату. В голове стояла какая-то каша. Внезапно из нее выплыл старик в белом парусиновом костюме.

Я вспомнил его рассказ и почему-то ярко представил господина «К», шаркающего дорогими туфлями по паркету в темных залах президентского дворца. Его высохшая серая кожа обтянула большой лоб. На дряблой шее болтается неизменный красный галстук.

Мне показалось, что я почувствовал переполнявшую его тоску и нетерпение, с которым господин «К» ждет, когда же раскроется Окно Овертона, и он сможет предстать перед нами.

Тольятти 2019г.

Макс 2

Обычно я не люблю апрель. Слякоть, прошлогодняя грязь проступают сквозь потемневший снег, и мне даже не хочется выходить на улицу. Но в этом году весна была ранней. К Дню Космонавтики асфальт был сухим, и даже мусор с улиц успели смести и вывезти. Я оставил машину и решил пройтись до изолятора, чтобы насладиться хорошим утром.

Меня назначили общественным защитником по делу о бытовом убийстве. Предстояло встретиться с обвиняемым, который своей вины не отрицал. Это тоже являлось хорошим знаком, потому что дела, спускаемые из коллегии адвокатов, затягивались надолго и являлись бесплатной занозой, с которой хочешь, не хочешь, а приходилось мириться.

Да. Частным адвокатам время от времени подкидывают общественную работу, с которой не справляются муниципалы. Это обязательное условие для действительных членов, и я, разумеется, не исключение.

Предъявив удостоверение и пройдя длительную процедуру оформления, я оказался в длинной, но узкой камере, одну стену которой заменяла широкая решетка. Устроившись за столом, я стал перечитывать дело, когда конвой сообщил, что прибыл обвиняемый.

– Введите, – попросил я и без интереса стал разглядывать

средних лет мужчину в сером свитере.

Мы представились, и он занял место за столом напротив меня.

– Курите, – предложил я.

Мужчина отказался. Он равнодушно смотрел, ожидая вопросов, и я сразу догадался, что он впервые в тюрьме, в камере и никогда раньше не общался с представителями Фимиды.

– Расскажите, пожалуйста, все по порядку, – начал я.

Мужчина пожал плечами, затем скрестил руки на груди и сказал:

– Я убил ее, док.

Почему он назвал меня "док", я не понял, но в первую встречу лучше не прерывать клиента, поэтому я всего лишь качнул головой и осторожно добавил:

– Так. А подробнее.

– Ударил ее молотком для отбивки мяса, – собеседник сделал паузу и продолжил, – один раз.

– Вы можете объяснить причину?

– Нет, – мужчина отрицательно покачал головой. – Но я смогу рассказать, как это произошло, если у вас есть время.

– У меня есть время, – пообещал я.

– Тогда я начну издалека. С самого начала.

Он стал говорить сначала очень медленно, старательно подбирая слова, но вскоре его рассказ полился ручейком слов, полностью захватившим мое внимание. Я слушал са-

мую удивительную историю за всю мою адвокатскую практику, и, признаться, не сразу в нее поверил. Может, и читатель поверит в нее не сразу, но постараюсь привести ее здесь, по возможности не исказив. Вот она:

Моя жена постоянно занималась ерундой. То она участвовала в конкурсах на лучшую частушку, то вырезала купоны от шампуня, собирала крышки и ключи от пивных банок. Все это не делало ее счастливой, и она постоянно отыгрывалась на мне. Так продолжалось довольно долго, и я никогда не думал, что это может нас к чему-нибудь привести. Понял я это только тогда, когда в дверь позвонили, и еще до того, как я ее открыл, мне удалось вспомнить, что жена написала гневное письмо в «Джонсон и Джонсон» о том, что фирма только обещает и никогда не держит своих обещаний. Ей прислали ответ с обещанием выполнить любое желание, каким нескромным оно бы не было. Письмо было написано на английском, и я сразу же не поверил ни в Рокфеллерскую щедрость, ни в смысловой перевод. Так или иначе, но мои сомнения запали в душу супруге, и она долго расспрашивала соседку, что дороже авианосец или клон. В конце концов, под аргументами соседки в виде того, что ваш авианосец пересекает Гибралтар, добирайтесь туда сами – жена требовала с меня ноготь и, уложив его в конверт с международной маркой, принялась ждать. Ответ Президента компании только укрепил мои сомнения. А разглагольствования на тему

финансовых сложностей и плохой конъюнктуры рынка меня даже посмешили. Все было именно так, пока я не подошел к входной двери и не спросил:

– Кто?

– Я, – ответили из-за двери.

– Что значит «я»? Я бывают разные.

Я заглянул в глазок и сразу же понял, что голос мне показался знакомым, а за дверью действительно я.

«Вот свиньи, – пронеслось у меня в голове, – мало того, что они нашли двойника, так они еще и голос подделали».

Но сравнивать себя с собой, используя широкоугольный глазок за один рубль девяносто копеек, не самое благодарное занятие. Поэтому я решил сначала препарировать животное, а уж затем его изучить. Для этой цели я впустил незнакомца и даже протянул ему руку, представляясь.

– Максим Палкин.

– Макс два, – ответил он с небольшим акцентом.

– А почему Макс? – поспешил уточнить я.

– Не знаю, – пожал он плечами, – может, русское имя труднопроизносимое для профессора Губширменшпроубера.

– Знаешь, Макс, – похлопал я его по плечу, – мне его фамилию тоже не выговорить, только ты вкратце обрисуй, кто это?

– Это мой создатель, – пояснил Макс, – человек, вырастивший клон.

– То есть тебя?

– Меня, – кивнул Макс.

– А ты надолго?

– Если честно... – Макс как-то застенялся и шаркнул ножкой, – если честно, у меня никого нет, кроме тебя.

«Оп-па, – пронеслось у меня в голове, – вот он куда клонит, клон. Сейчас он останется, а ночью обчистит квартиру и во всем обвинит меня».

– А как же профессор Гобчинский? – попытался возразить я.

– Гоубширменшпроубер? Он всего лишь ученый.

– Авторитет, – догадался я и уже собирался выпроводить незваного гостя, но за этим меня застала жена, и все происходящее тут же потеряло смысл.

Только женщина может впустить в дом незнакомца, накормить, напоить, помыть и уложить спать. Не знаю, как вы, но я бы точно не стал его мыть, а, впрочем... Меня больше всего беспокоило то, что ночью нас передует незнакомец, и я до утра не сомкнул глаз. Утром у меня болела голова, и я не сразу сообразил, что мне придется идти на работу и оставить мою жену со мной наедине.

Если вам не приходилось ревновать, вы счастливчик, но если вы не ревновали к себе – вам просто повезло.

Странное это было ощущение, как паранойя. Весь день я названивал домой, а жена долго не брала трубку, и голос у нее был запыхавшийся, а последний раз она открытым текстом сказала, чтобы я звонил реже, а то она со мной ничего

не успеваает попробовать.

Такой наглости я не ожидал, тут же взял отгул и понесся домой, сообщив коллегам, что ко мне приехал родственник, очень долго сидевший в тюрьме.

Однажды я переоделся в костюм Макса и, выпроводив его на работу, стал приставать к жене. Она долго кокетничала, ломалась, но под аргументами типа, он ничего не узнает – уступила. И так уступила, скажу я вам, что я таких уступок не видел за всю совместно прожитую жизнь.

"Черт возьми, ведь она наставляет мне рога, – думал я, – а я-то? Я тоже хорош. Отправил себя на работу и пользуюсь доверчивостью слабой женщины. Не хорошо".

Когда моя жена закурила в постели, я с трудом удержался, чтобы не брякнуть лишнего. Это было так необычно, что я решил будто тоже изменяю и направился на кухню принести ей сок и полностью соответствовать имиджу иностранца. За всеми этими делами я полностью забыл, что уже шестой час и Макс вот-вот должен вернуться.

Стоило мне поставить поднос на кровать, как моя перепугано зашипела:

– Муж пришел.

– Что? – не понял я.

– Муж пришел. Лезь под кровать.

Только собрав всю пыль с пола, я понял, что я-то и есть муж, а брякнувшая входная дверь лишь возвестила о прибытии клона.

Нет, раньше я слышал подобные анекдоты, но каково уклоняться от прогибающегося матраса и слушать басню о том, что она отправила клона в булочную, и у них есть десять минут на оглушительно короткий оргазм.

Макс оказался сообразительным парнем, и то ли все понял, то ли еще не преодолел стеснение, но вел себя скромно, как только мог вести себя человек, занимающийся сексом.

А мне? Что мне оставалось? Только наслаждаться собственной тупостью. И знаете, это не так страшно. В общем, с того дня мы стали подменять друг друга. То на работе, то дома, а если честно стали жить пополам.

Макс внес в мою работу некоторые новые идеи, сумев учесть ранние ошибки. Каким-то образом он помнил дни рождения моих коллег, их телефоны и даже то, куда я засунул прошлогодний отчет.

Находку последнего я решил отметить, и Макс оказался неплохой компанией. Мы просидели на кухне почти до двух, пока возникшая на пороге жена не объявила, что спаивать себя еще раз она не позволит.

Вообще-то я вспоминаю это время как самое счастливое в моей жизни. У меня наконец появилась возможность заняться аквариумистикой. Я завел рыбок, о существовании которых раньше и не подозревал. Перечитал кучу книг, за предыдущие десять лет я прочел только две. Стал заниматься спортом и уже перестал беспокоиться о завтрашнем дне, но хорошее долгим не бывает.

Макс заболел. Его заболевание называлось генным расстройством, а проще говоря, он стал стареть. Все-таки клонирование слишком новая и слишком рискованная процедура. То, что Макса вырастили, еще не факт, будто он стал человеком. Похожим он был, и все у него функционировало на удивление по-человечески. Только через несколько месяцев жена заметила, что Макс стал ниже. Сначала он стал терять в росте, затем в весе, а уж потом и вовсе превратился в старика.

Видели ли вы когда-нибудь себя стареющим? Врагу не пожелаю.

Сначала вы просто теряете силы, затем подвижность, начинаете впадать в старческий маразм, и вас приходится кормить с ложечки. Но самое страшное, вы начинаете осознавать, что все то же самое произойдет и с вами. Может, не завтра, не послезавтра, но обязательно произойдет, и эта неотвратимость ужасна.

Макс умер в пятницу. Мы похоронили его на городском кладбище, и с тех пор я часто посещал могилу с моими инициалами. А вот моя жена....

Она не смирилась и забросала суды и международные комиссии жалобами на компанию, слепившую некачественного клона. Странно, что она запомнила фамилию этого профессора. А он испугался или не хотел огласки, так как клонирование во многих странах еще вне закона. В общем, он долго с ней переписывался, а однажды в мою дверь снова по-

звонили.

Я ждал водопроводчика, поэтому без лишних вопросов открыл дверь. А за ней... Нет ничего необычного. Там была жена, и она как обычно недовольно щурилась:

– Что так долго?

– А что у тебя ключей нет? – ответил я вопросом на вопрос.

– Конечно, нет, – возмутилась она, – я только что из аэропорта.

Сообщив, что у нее сильное смещение часовых поясов, она прошла в спальню и легла спать.

Поразительно, но ведь я так ничего не понял, и только за ужином обнаружил, что в нашем полку прибыло. Они были настолько похожи, что меня прошиб озноб. Две совершенно одинаковые женщины смотрели на меня, ловя мое удивление и восхищение.

– Знакомься, – сказала одна, – мой двойник.

Почему-то она не решилась сказать клон. Может, потому что боялась этим его обидеть, а, может, еще по какой-то причине.

– Здравствуйте, – глупо промычал я. – Может, сгонять за шампанским?

– Нечего тратиться, – рассудительно вывели они, – у нас с Нового года «Мартини» недопитое. А если будет мало, откроем коньяк.

Да. Так все началось. С «Мартини» и коньяка. Но зна-

ете, чем отличается женщина от мужчины? Если когда-нибудь встанете перед такой проблемой, возьмите на вооружение простой тест. Женщина никогда не позволит конкуренции. Двух мужчин она примет, а вот чтобы ее внимание досталось кому-то, кроме нее? Никогда.

Я тогда об этом не задумывался и ничего конкретного не замыслил. Просто подошла премия, а мы планировали шубу. Шубу, но только одну.

Одну шубу можно носить по очереди, а мои из-за нее подрались. Да так, что кому-то пришлось накладывать швы и объяснять соседям, что это обычная семейная ссора, а не освобождение заложников.

Мы снова стали жить втроем, а я почему-то все больше уставал, худел и меня постоянно тянуло в сон. Разборки на кухне превратились в популярную телепередачу. Я бы с удовольствием вставлял туда пару рекламных блоков, а лучше вообще этого не наблюдал. Но мои жены настойчиво требовали внимания, настаивали, чтобы я принял ее, именно ее сторону и поочередно плакались в жилетку. Если бы сцены не заканчивались глубокой ночью, я мог бы хоть немного высыпаться. Однако женская логика напрочь игнорировала здравый смысл, а мой профессиональный рост стал тормозиться. В конце концов, меня перевели на менее оплачиваемую работу, а уж последствия не заставили себя ждать.

– Гад! – кричали они по очереди. Мало того, что ты перестал уделять нам внимание. Ты еще посещаешь любовницу.

С последней я простился после смерти Макса. Бывать у нее раз в квартал казалось неуважительным.

– Куда ты дел деньги? Почему мы должны жить в нищете? У всех мужья как мужья, вечером – домой, получку – до копеечки, а ты?

– С чего вы взяли? – оправдывался я.

– А как еще можно объяснить твое поведение? Ведь слушает нас, а сам глаза закрывает. Неужели нельзя послушать жену пять минут.

– Я очень устал, мне завтра на работу, – слабо отбивался я.

– Зачем? Ты больше на проезд тратишь. Уж лучше сиди дома. А раз не можешь обеспечить семье достойную жизнь, мы пойдем работать.

– Куда интересно?

– Да хоть куда. Сейчас везде требуются красивые и умные.

Это точно, красивые требовались везде, умные тоже. Правда, своим ощущениям никто не доверял, поэтому просили принести диплом о высшем образовании. Зачем продавцу заканчивать университет? Я не знаю, может, потому что дающие такие объявления, никогда ничем подобным не занимались? А, может, просто мода такая. Только мои жены в струю не попали. Потрапились на деловые костюмы, поехали на презентации да на кастинги и остались на кухне досматривать сериалы. К тому времени я сильно исхудал. Дело в том, что мои не хотели готовить, всячески ссорились из-за очереди на кухню и если что-то и варили или жарили, то

обязательно солили дважды или не делали этого вовсе. Знаете поговорку: "У семи нянек дитя без глазу"? На кухне понимаешь, что такое народная мудрость.

Тут подошло время летних отпусков. Ехать куда-то втроем было уже не по карману. Заикаться о том, чтобы оставить одну из моих дома, не могло быть и речи. Я сразу спросил, мол, куда вы собираетесь девочки? Но девочки не собирались оставлять меня без присмотра. Они благоразумно разделились, и пока одна контролировала меня дома, другая укатила на юга. Укатила и вернулась только через три месяца вся заплаканная, как мокрый воробей.

Оказалось, что она завела курортный роман, который счастливо продлился в столице и еще некоторое время жил в молодых сердцах. Но потом мерзавцу стала надоедать то ли клон, то ли жена, я так и не понял. В конце концов, он грубо ее выгнал, даже не дав денег на билет.

На следующее утра я снова остался с одной женщиной. С той, что вернулась. Потому что вторая поехала чинить разборки. Она отсутствовала два месяца и по возвращении сообщила, будто бы уже все у них наладилось, и гад осознал свои ошибки, но в один момент впал в скотское состояние и избил беззащитную женщину.

Хотите – верьте, хотите – нет, но именно с этого момента в моем сознании возникла трещина. Я был слишком хорошо воспитан или никогда об этом не задумывался, но факт того, что кто-то смог усмирить мою жену кулаками, и привел меня

сюда.

Знаете, что женщина бесстрашное существо? Она ничего не боится, даже когда в этом нет логики и здравого смысла. А мои так и не смогли поверить, что я смогу убить одну из них, если они не замолчат. Одна попыталась возразить, что было дальше, вы знаете.

У меня тяжелая рука. Но знаете, сейчас я думаю не об этом. Как странно.... Я до сих пор не могу понять, кого же я убил?

Собеседник замолчал, он не казался подавленным, только какая-то легкая хмурица блуждала во взгляде.

– Знаете, – нарушил я молчание. – Думаю, что смогу вам помочь.

– Каким образом?

– Я буду строить защиту на том основании, что вы не убивали человека. Если удастся доказать, что оставшаяся в живых женщина – ваша жена, вас не смогут осудить. Ведь пока юридический статус клонов зыбок и не определен.

– Красиво вы выражаетесь, док, – косо улыбаясь, сказал он. – Только я вам вот, что скажу. В этой стране никто не позволит убивать женщин. Клоны они или самые настоящие – правосудие всегда на их стороне.

– Тем не менее, я считаю эту линию наиболее действенной.

– Дело ваше. Валяйте, док. Хотя знаете, мне и здесь неплохо.

– Неужели вы хотите провести за решеткой пятнадцать лет?

– Я уже просидел двенадцать. И знает, док. Если бы я убил ее в день свадьбы, то уже через три года освобожден бы.

– Как вам угодно, – сказал я, вставая и полагая, что фраза освежит разум собеседника. – Я навещу вас перед судом.

– До встречи, – собеседник протянул ладонь, и я осторожно потряс ее в воздухе.

"Все-таки шансы есть, – размышлял я, когда железные двери закрылись у меня за спиной, – ни одна женщина не сознается, что она клон, если есть возможность выдать себя за настоящую. К тому же, она находилась полностью на иждивении мужа, а если его осудят, будет вынуждена самостоятельно зарабатывать на жизнь".

Профессиональный калейдоскоп закружил мое сознание, и несколько минут я шел на автомате, не думая, куда несут меня ноги. Внезапно я осознал, что контора находится в противоположной стороне, а я направляюсь к дому.

"Ну и ладно, – подумал я, – время обеда, и прогуляться по такой погоде одно удовольствие".

Через четверть часа я открыл дверь своим ключом и повесил плащ и портфель на вешалку.

– Это ты, дорогой? – послышалось из кухни.

– Я, зая, – ответил я жене.

– Как хорошо, что ты пришел, я только что приготовила твои любимые тефтели.

– Оказался рядом и решил тебя навестить, – я прошел в кухню и чмокнул жену в щеку.

– Что на работе?

– Знаешь, интересный случай. Один парень убил свою жену.

– Ах, бедняжка, – всплеснула жена руками.

– Почему же? – удивился я.

– Он, наверное, так переживает.

Я отрицательно покачал головой:

– Представляешь, у него их было две.

Она села рядом и положила голову мне на плечо:

– Я надеюсь, ты не станешь заводить себе горем.

– Теперь нет.

Я подвинул телефонный аппарат и набрал номер.

– Кому ты звонишь?

– Отцу, – ответил я. – Давно его не слышал, а он уже в таком возрасте...

– Странно. Ты раньше так редко об этом вспоминал.

– Когда-нибудь и я буду в его возрасте, – сказал я. – К тому же, мы так похожи.

Тольятти 2004 г.

Из жизни антипрыгунов

Я, преподаватель, доцент Кафедры Психологии сурикатов Московского негосударственного Университета имени Лоботрясова. Зовут меня Николай Петрович Косинов и я хочу вам рассказать, что же со мной произошло.

Дело в том, что около года назад в нашем учебном заведении началась странная программа по выработке командного духа. Объединение сотрудников во вне учебных мероприятиях, где преподаватели должны были совместно преодолевать трудности и приобретать опыт решения не стандартных для учебного заведения ситуаций. Говорят, в бизнесе сейчас это модно. Но вот, что получилось у нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.